

Хайрулло Мирсаидов: Мою свободу выкупила семья

Журналист Хайрулло Мирсаидов несколько лет назад занялся развитием движения Клуба веселых и находчивых (КВН) в Таджикистане. Благодаря его стараниям команда из Таджикистана впервые за много лет стала участвовать в международных играх, а в 2016 году даже [выиграла](#) в региональной лиге «Ала-Тоо», проходящей в Кыргызстане. Однако стоило Мирсаидову заговорить о коррупции в стране, его заслуги в продвижении позитивного образа Таджикистана моментально забыли. В 2017 году он [рассказало](#) попытке главы управления по делам молодежи Согдийской области Олима Зохида присвоить деньги, выделенные для команды, и тут же столкнулся с чрезвычайно агрессивной реакцией властей. На журналиста завели уголовное дело, обвинили его в растрате, доносе и подлоге и посадили в следственный изолятор. В июне 2018 года его признали виновным и [приговорили](#) к 12 годам колонии и штрафу в \$13 тысяч. Позже наказание заменили на исправительные работы, однако обязали Мирсаидова выплатить еще один штраф — около \$9 тысяч. Несмотря на то что журналист заплатил обе суммы, в январе его снова [приговорили](#) к восьми месяцам колонии за то, что он покинул страну и уехал в Грузию. «Фергана» пообщалась с Хайрулло Мирсаидовым и узнала, что он думает о своем деле и как собирается жить дальше.

— Кто, по вашему мнению, стоит за процессом против вас? Неужели незначительному региональному чиновнику под силу организовать такое жесткое преследование с помещением в СИЗО и длительным сроком?

— Нет, конечно. С каждым днем появляется все больше деталей этой истории, и сейчас я могу точно сказать, что за этим делом стоит очень большой человек в Таджикистане. Тот мелкий чиновник-взяточник, глава местного управления по делам молодежи, фактически его протекже. Поэтому он чувствовал себя так уверенно в ходе всего процесса и не боялся за свое будущее. Хотя работы все равно в итоге лишился.

— Почему?

— Он покинул свой пост якобы добровольно. В суде он это объяснял тем, что на него было много нападок со стороны журналистов разных изданий, и ему морально тяжело было дальше продолжать работать, вот он и ушел. В действительности же понятно, что его оттуда вышвырнули, потому что вся эта история стала привлекать слишком много внимания.

— Вам известно, кто его покровитель?

— У меня нет пока прямых доказательств, поэтому я не могу его назвать. Но я могу точно сказать, что если мои догадки верны, и это тот, кого я подозреваю, то у него были все основания запустить это дело, потому что он меня как журналиста, мягко говоря, недолюбливал. В свое время я писал много критических материалов о его деятельности, а деятельность эта была значительная. У меня сейчас есть только косвенные доказательства, но пазл скоро сложится, и я смогу говорить конкретно. Сейчас я на 90% уверен, что это именно тот человек.

— Ваш первый приговор с длительным сроком был отменен. Это необычно, учитывая правовую ситуацию в Таджикистане. Как вы себе объясняете, почему это произошло?

— В принципе, это нормальное явление, потому что лишение свободы за экономические преступления в Таджикистане может заменяться возмещением ущерба и выплатой штрафа.

— Тогда почему сразу по этому сценарию дело не пошло?

— Я мог сразу заплатить, но в этом случае получалось бы, что я признал свою вину. А я решил дать суду понять, что я невиновен, и посмотреть, что он на это скажет. Я на двести процентов доказал свою невиновность, доказал суду, что чиновники Таджикистана еще и денег мне должны. Однако суд не воспринял ничего вообще. Наши доводы не были приняты во внимание, а лжесвидетельство главного потерпевшего, этого взяточника, было проигнорировано. В ходе своего последнего слова я по пунктам перечислил все восемь раз, когда этот человек давал ложные показания в суде, и потребовал наказать его по пяти статьям Уголовного кодекса. Но суд ничего, к сожалению, не сделал, что еще раз говорит, что этот человек, хотя на тот момент уже безработный, был под защитой очень больших покровителей. Ему все сошло с рук.

— Суд отменил первый приговор, потому что внял вашим доводам?

— Нет. Приговор пересмотрела вторая инстанция после того, как моя семья возместила ущерб в размере \$13 тысяч. Это стало условием моей свободы. Дело в том, что девять лет из двенадцати, на которые меня собирались осудить, приходились на экономическую статью 245 «Хищение и растрата государственных средств». Еще на этапе первой инстанции я узнал, что две другие статьи, по которым меня обвиняли, — подделка документов и ложный донос, — предусматривали исправительные работы. То есть если бы я в первой судебной инстанции согласился заплатить за якобы причиненный ущерб, я бы уже тогда вышел из зала суда. Но я не хотел признавать вину. Мне было важно доказать свою невиновность, и я на двести процентов это сделал.

— **Вы говорите, что вначале не хотели платить штраф, потому что таким образом признали бы свою вину. Но потом вы все равно его заплатили. Разве это не является признанием вины?**

— Нет, это фактически означает, что моя семья выкупила мою свободу, потому что суд вынес абсолютно незаконное решение. Чтобы я не сидел в тюрьме, родители выкупили меня. Но вину я не признаю.

— **Но ведь они и раньше могли это сделать?**

— Раньше я сам им не позволил, потому что я был уверен в своей правоте и рассчитывал на более благополучный исход дела.

— **Вы частично признавали свою вину в суде по поводу растраты части бюджетных средств, которые выделялись на команду КВН. Такие эпизоды действительно были?**

— Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Придет время, я все расскажу.

— **Ваша семья заплатила \$13 тысяч, а по второму приговору вам назначили еще \$8,5 тысячи штрафа.**

— Около девяти тысяч долларов. Находясь уже здесь, в Грузии, я эти деньги заработал и отдал.

— **Оба штрафа вместе очень крупная сумма. На что пришлось пойти вам и вашей семье, чтобы найти эти средства?**

— Мы сейчас в больших долгах, не говоря уже о том, что на мне висит долг около \$10 тысяч, которые власти мне должны были дать за последнюю поездку в Москву на игру КВН.

— **Только на вас или на всей команде?**

— Только на мне, потому что я руководитель команды, я отвечал за все финансы, я брал на себя ответственность.

— **Когда вы писали открытое [письмо](#) о коррупции в Согдийской области, предполагали, что оно вызовет такую реакцию?**

— Честно говоря, нет. За семнадцать лет я писал такие вещи, что по сравнению с ними это письмо всего лишь маленькая шалость. Такая жесткая реакция на него показывает, куда скатывается Таджикистан. С каждым годом все больше коррупции, все меньше свободы слова. Я семнадцать лет журналист, и я это чувствую. Если бы я знал, что до такой степени дойдет, я бы чуть-чуть углы смягчил или бы этого письма вообще бы не было, я пошел бы другим путем. Но я был уверен в своей правоте, и, кроме того, у меня не было выхода, мне надо было отдавать долг за игру. Мне срочно нужно было решать вопрос, а так как прокуратура намеренно не заканчивала свою якобы проверку, я вынужден был уже дать огласку.

— **При более здоровой правовой ситуации в Таджикистане как должны были бы развиваться события после вашего письма?**

— Двое сотрудников прокуратуры, которые незаконно вели проверку около пяти месяцев, хотя по закону на нее отведено от трех до десяти дней, должны были бы как минимум получить выговор, а вообще, быть уволены за абсолютный непрофессионализм

и за коррупционные действия. Во-вторых, человек, который потребовал взятку, должен был быть привлечен к ответственности, помещен в следственный изолятор и потом приговорен к соответствующему сроку. Впрочем, поскольку это экономическое преступление, на тот момент он мог и деньгами откупиться. Только в прошлом году в Таджикистане снова запретили взяточникам выходить за деньги. Именно на такое развитие событий я и рассчитывал, абсолютно ничего не опасаясь, потому что я был уверен в своей правоте.

— Вы больше полугода провели в СИЗО. Вам тяжело это далось?

— Я провел в СИЗО около девяти месяцев. Было очень тяжело. Следственный изолятор — это не колония. В колониях люди живут в огромных бараках на 100-150 человек. Двери этих бараков всегда открыты, и люди могут ходить по территории колонии в несколько гектаров. А СИЗО — это камерная система, и ты 24 часа в сутки сидишь в закутке с огромным количеством сокамерников.

— Что было самым сложным, помимо тесноты?

— Самое сложное — это, наверное, то, что ты морально выдыхаешься. Вокруг тебя много таких же невиновных людей, многие начинают сходить с ума, пытаются покончить с собой. Постоянно возникают конфликты. Ведь в СИЗО сидит и спецконтингент, как называют его надзиратели. Это сложные люди, с которыми бывает нелегко, особенно когда вы вместе 24 часа. Все на нервах. Люди еще не получили срок и не знают, что их ждет. Неопределенность вызывает стресс, а это отражается на всей камере, на отношениях. Человек морально устает. И, главное, ужасно не хватает тишины. В камере сидят по 20 человек, галдеж не прекращается даже ночью, и сна не хватает, чтобы мозг и уши отдохнули, такой стоит шум.

— Как вам удалось покинуть Таджикистан? Разве ваше имя не было в базах пограничников после того, как вы подписывали документы о невыезде?

— Не знаю, есть ли я в какой-то базе данных. Я знал, что не нахожусь в розыске. Да, я подписывал документы и не был уверен, что смогу покинуть страну. Однако я все же пересек границу и попал на территорию Кыргызстана.

— На самолете?

— Нет, на машине через наземные пункты пропуска. Сначала приехал в Кыргызстан, потом в Казахстан, а оттуда уже вылетел в Грузию.

— Как устроена сейчас ваша жизнь в Грузии? На что вы живете?

— Я уже начал работать как журналист. Но главное, я тут лечусь. Я приехал сюда поправить здоровье — моральное и физическое. За то время, что я сидел в следственном изоляторе, у меня появился хронический гайморит, я до сих пор его лечу. Оказывается, я, сам не зная об этом, перенес в СИЗО воспаление легких. Выяснилось это уже здесь, в Грузии, когда я проходил полное обследование. Пока я сидел в изоляторе, у меня был очень сильный кашель, настолько ужасный, что все в камере боялись, что у меня туберкулез. При этом меня не стали обследовать, и я не получил никакой медицинской помощи, кроме таблеток от кашля. Все как-то со временем успокоилось, но болели легкие, я еще думал, что от курения. А здесь выяснилось, что это остатки воспаления легких. Кроме того, я лечусь морально, прихожу в себя, работаю с психологом. У меня были кошмары, что я все еще нахожусь взаперти, много чего было. Морально очень тяжело было это перенести. Мое состояние сейчас значительно лучше, но не вполне, и я продолжаю работать с психологом.

— Вы нашли работу журналистом удаленно?

— Да, я удаленно работаю с парой изданий, пишу для них. Скоро, надеюсь, запустим один журналистский проект, сейчас уже одобрение получили.

— А издания таджикские?

— Нет, конечно. К сожалению, в Таджикистане не осталось ни одного СМИ, которые бы могли публиковать мои статьи. Даже находясь в последние годы в Таджикистане, я писал только за рубеж. И сейчас я работаю благодаря своим старым контактам в разных зарубежных редакциях. Также я даю комментарии как эксперт по вопросам политики и безопасности.

— **Ваша семья с вами или они остались Таджикистане?**

— Я не женат, поэтому я здесь один, а родители остались там.

— **Надолго ли вы в Грузии?**

— Сейчас у меня нет постоянной работы, в основном подработки, но как только у меня появится серьезная работа, я перееду туда, где будет оптимально ею заниматься. Скорее всего, буду заниматься международным журналистским проектом, и в зависимости от того, где офис этого проекта будет базироваться, туда я и приеду. Может, это будет Грузия, может быть, другая страна. Пока этот вопрос не решен до конца.

— **Не планируете ли вы получить статус беженца?**

— Пока я не вижу смысла в этом. Мы будем судиться. Мои адвокаты подготовили жалобу на последнее решение суда по поводу восьми месяцев заключения. В течение месяца суд будет ее рассматривать. Если опять будет неудовлетворительное решение, подадим в Верховный суд и, если что, пойдём дальше, в международные суды. Так что я сейчас занят этим и реабилитацией.

— **Рассчитываете ли вы, что вам удастся добиться справедливости и что вы сможете вернуться на родину?**

— Я не рассчитываю на справедливость в самом Таджикистане. С учетом того, что и городская, и областная инстанции оставили без изменений свои решения, то и на Верховный суд сложно рассчитывать. Потому что просто статистика такая в Таджикистане. Но я все равно надеюсь, что Верховный суд объективно рассмотрит дело и вынесет решение в мою пользу. Если нет, пойду в международные суды, где я как минимум оправдаю себя, докажу свою невиновность, и об этом узнает весь мир. Я смогу заявить, что невиновен, не просто голословно, а подкреплю это фактами и документами в рамках моего дела.

— **Если вы докажете невиновность в международных инстанциях, путь в Таджикистан вам, скорее всего, будет заказан. Как тогда планируете строить жизнь?**

— В принципе, как журналист я давно уже живу в разъездах. Пару лет в одной стране, потом в другой. Я привык к такому образу жизни и дискомфорта не чувствую. Я об этом особо не думал, меня это не сильно волнует сейчас. На данный момент мне важно доказать свою невиновность. А мир большой, и одному человеку, наверное, где-то еще место найдется.

<https://fergana.agency/articles/104477/>